

Девочка бандита

Автор:

Дана Стар

Девочка бандита

Дана Стар

Я не дышу, когда смотрю в чёрные и ледяные глаза бандита. Он огромный. Мощный. Зверь. От одного только его дикого взгляда моё сердце начинает пропускать удары. Великан делает шаг вперёд, властным рывком хватает меня за плечо, нависает надо мной мощной горой.

- Обращайся ко мне на «вы». Отныне ты принадлежишь мне.

Пауза. Свист в ушах. Я будто срываюсь в пропасть.

- Что застыла, как будто дьявола увидела? Раздевайся.

Наш город погряз в хаосе, когда пришёл ОН и стал новым королём. Я сбежала от пьющего отчима и угодила в сети безжалостного хищника. Теперь я... его девочка. А он – тот, чьё имя боятся произносить вслух, и тот, кто держит в страхе весь город.

Дана Стар

Девочка бандита

Пролог

Холод острыми иглами парализует все мышцы. На мне лишь белый халат, а под ним ничего. Голое, юное тело. Я невинна. Чиста. Не тронута ни одним мужчиной. И сейчас я отдам свою невинность опасному бандиту. Один шаг – один удар сердца под рёбрами. Голова кругом. Пальцы на руках и ногах немеют, покалывают, как будто в них втыкают иглы. Я сжимаю руку в кулак и робко делаю два стука в массивную дверь из редкой и дорогой породы дерева. – Входи, – вибрирует этот опасный гортанный голос. Не голос, а рык. Дикого, беспощадного зверя.

Сделав глубокий вдох, я толкаю дверь от себя и захожу в логово монстра. Хлопок. Дверь за мной захлопывается. Птичка в клетке. Я в западне. Добыча добровольно пришла на пир к чудовищу. К сожалению, не пировать, а предложить себя в качестве сладкого десерта. Глаза понемногу привыкают к атмосфере полумрака в большой и роскошной комнате с изысканной мебелью, мягким ворсом персидского ковра, что приятно щекочет голые пятки, и большой хрустальной люстрой, мерцающей, как звёздное небо, над моей головой. Я бегло осматриваю помещение и останавливаю взгляд на огромном силуэте. Рассматриваю его тщательно. Нервно сглатываю вязкую слюну в горле. Он высокий, крепкий, как медведь. Властный, могущественный, как ураган, сметающий всё на своём пути. Это ОН. Гектор Мурадов. Новый властитель города. Безжалостный авторитет могущественной бандитской группировки. – Ближе. Нервно топчусь на месте.

– Подойди ближе, я сказал.

Приходится выполнять приказы через силу.

– Хочу рассмотреть тебя всю. Я чистая. Искупана в ванной с лепестками роз и душистой солью. От меня приятно пахнет. Цветами. Мои волосы блестят мёдом на свету и мягкими волнами струятся до самой талии. Я сама не знала, что они у меня такие красивые. Я ведь специально пачкала их в грязи, чтобы выжить, чтобы никто из банд головорезов не узнал, что я девушка. И кожа... Она, оказывается, мягкая, бледно-розовая и на ощупь очень нежная.

Одна секунда превращается в вечность. Я застываю, замираю, не дышу. Как будто мне на шею петлю затягивают, обвиняя в непростительном грехе. И вот

теперь я жду приговора от бандита. Как собственной казни.

– Ты красивая, – голос вожака наполняется хрипом, тяжелеет от возбуждения. А ещё в нём простреливает явное удивление. Сейчас я выгляжу совершенно иначе, чем два часа назад. Маскировка смыта. Мой секрет раскрыт. Я девушка. Молодая, привлекательная. Не тот грязный оборванец, каким он увидел меня в момент нашей первой встречи. Оттого сейчас и удивлён. Широко расставив ноги, Гектор сидит в кожаном кресле как истинный царь. Криминальный император. Властитель жизни. Лениво потягивает из бокала виски. На нём чёрная футболка с коротким рукавом и тёмно-синие джинсы, которые кажутся ему малы из-за огромного толстого бугра, громоздкой горой выпирающего между массивных накачанных ног. Он уже стоит. Адски. Что ткань по швам трещит. Чёрт, у него большой размер. Наверное, ему больно и тесно в плотной блокаде джинсов. Не член, а бита здоровенная, и это он ещё в укрытии находится. А что будет, когда такой огромный и набухший агрегат вдруг вырвется на свободу? Беги, спасайся. Впечатляющие бицепсы украшают замысловатые узоры татуировок на золотисто-бронзовой коже. Выглядит горячо, сексуально. Его сильные ноги широко раскинуты в стороны и напоминают колонны. Он и сам как статуя. Идеальная. Устрашающая. Его глаза тёмные, холодные. Чёрный лёд. Они внимательно следят за каждым моим движением. Головорез жадно пилит меня взглядом, доминирует. Он ведь хищник, а я – его жертва, которую он пожирает на расстоянии и в уме прикидывает, каким образом будет её смаковать.

– Я удивлён, ты совершенно другая. Аппетитная. Сочная. Юная. Да. В отличие от него, шакала громадного. С накачанным мощным телом, жёсткой чёрной щетиной, наполовину покрывающей грозное лицо, и глазами самого демона. Бездонными. Будто неживыми. Кусок угля. С серебристыми мерцаниями по краям смоляных зрачков. Дух захватывает от зрелища, от ощущения неимоверной власти и безграничной силы, когда я, задержав дыхание, смотрю на главаря преступной банды. Я на его фоне кажусь мелкой мошкой. А он тот, кто без малейшего труда может меня прихлопнуть. Мужчина прочищает горло, ставит стакан на хрустальный столик. Волчьи глаза моего покровителя блестят серебристыми молниями в полутьме, а его крепкие ручищи сжимаются в объёмные кулаки. Угрожающе. Властно. Мне не по себе. В полной тишине я слышу, как напряжённо хрустят кулаки этого великана, а он, между прочим, под два метра ростом. Обстановка накаляется. Час настал. Сейчас он потребует плату за сделку.

– До этого была маскировка, – признаюсь я, но он будто не слышит. – То есть в-вы довольны своим решением?

– Раздевайся! – грозно чеканит бандит, перебивая так резко, что стены эхом вибрируют в комнате, а я вздрагиваю. – Хочу ещё раз как следует осмотреть свою дань.

Дань... Я – дань, вещь, игрушка опасного криминального авторитета. Звучит мерзко, но да, я себя продала, чтобы получить кров и защиту от нового хозяина города. Медленно, дрожащими пальцами я пытаюсь развязать пояс халата.

– Живей давай, что ты там копаешься? У меня уже колет в штанах от грёбаного ожидания! Лучше не злить всемирное зло. Крис, соберись! Я зажмуриваюсь. Резко срываю с себя халат. Всё. На мне больше ничего нет. Я хрупкая, беззащитная, уязвимая. Маленькая немогущая овечка, представшая перед огромным зубастым шакалом, который, скалясь, истекает слюной от зверского голода.

Я впервые оказываюсь голой перед мужчиной. Незнакомым и опасным бугаем. Я жутко стесняюсь... У меня небольшая упругая грудь и гладкая шелковистая киска. Шорох. Шаги. Он встаёт с кресла, подходит ко мне. Огибает по часовой стрелке. Тщательно осматривает, оценивая предложенный товар, как дотошный бизнесмен. Тяжелая энергетика сплющивает меня в лепёшку, пригвозждает к месту, пока хищник обходит по кругу свою добычу. Я вся сжимаюсь, не могу вытерпеть волчьего взгляда ни секунды. Руки падают на грудь – прикрываю сокровенное. Властный и идеальный. Во всём. В походке, в голосе, в тяжелой непробиваемой ауре прущего напролом ледокола. Теперь понятно, почему именно он занял трон. Потому что прирожденный вождь. Завоеватель земель. Царь мира. Его жизненное предназначение – править миром. – Руки! Убрать!

Я подскакиваю на месте. Мои руки падают по швам. Боже, да этой страшной голосиной можно расчленивать! Не интонация, а бензопила. Бандит не просит, не спрашивает, а приказывает. По-другому не умеет. Другого обращения вещь не заслужила. Я задерживаю дыхание, когда вдруг чувствую, как моих волос касаются сильные пальцы. Он наматывает прядь на кулак, демонстрируя мне всю свою титаническую силу и сумасшедшую власть, рывком тянет на себя. Ещё ближе. Слишком близко. До смерти. И... он... нюхает мои волосы. Втягивает ноздрями их запах. Урчит. Острая россыпь мурашек разлетается по моей бледно-розовой коже, пронзая уязвимую плоть до самых костей. Вылитое прожорливое

животное! У меня колени трясутся, а пол под ногами проваливается в никуда от того, что я сейчас чувствую. Страх. Лютый ужас. Странное давящее напряжение жара в бёдрах, которые мне хочется сжать сильнее, лишь бы унять постыдные ощущения.

- Глаза открыла! На меня смотри. Распахиваю. Хоть и боюсь до дури, но вынуждена подчиниться. Я сама пришла. Добровольно отдала себя монстру. Лучше ему одному отдаться, чем его братве. Они жуткие нелюди. Поджарые бородатые мамонты с тюремными татуировками на телах. Страшно подумать, что со мной будет, если вдруг их главарь швырнёт меня им на потеху. Страшнее смерти может быть лишь гнев Мурадова. Такие, как он, не любят характерных. Для Мурадова женщины не более чем красивые игрушки. Приятные дырки для грязного траха на пару ночей. Но вопреки суровой истине я знаю, что Гектор заботится о своих девочках. Именно поэтому я здесь. Пришла к разбойнику добровольно. Он даёт им всё. Кров, красивую одежду, дорогую косметику. Главное - безопасность. Взамен плата одна - постель. Похоть, грязь, разврат. Исполнение по щелчку пальцев всех его прожорливых фантазий. Такова цена защиты. Сейчас я продам своё тело кровожадному дьяволу, чтобы выжить в бездне хаоса. Грозным взглядом мужчина внимательно водит по моему лицу. Я не могу долго смотреть в его проклятые глаза. Я в них тону, умираю, как в яде захлёбываюсь. Страшно. Но... отчего-то порочно и горячо. Вот так дрожать и смотреть в лицо своего личного кровавого палача. Он красив. Опасно. Жгуче. Безмерно. Но мне не следует забывать о том, что это он уничтожил мой город. Как чума. Как ящик Пандоры мирового масштаба, с которого был сорван замок. Что со мной? Почему он так жадно смотрит на меня? Будто кусок за куском от тела отгрызает. Мне даже больно становится. Всего лишь от взгляда. Соски под гнётом двух раскалённых чёрных углей стали твёрже бетона, а в лепестках ещё никем не сорванного цветка вдруг покалывает до мучительного дискомфорта.

Неужели меня возбуждает атмосфера опасности и жёсткая хватка плена грубых рук? Что напоминают мне руки беспощадного мясника? Он ведь преступник. Страшный человек. Убийца, не знающий ничего светлого. И от его прикосновений и сжигающего заживо взгляда я начинаю возбуждаться? Бред. Патология. Это так стресс на меня так влияет? Я начинаю путать возбуждение и страх. Я просто схожу с ума. Я себя не узнаю, не понимаю. Я теряю голову, когда нахожусь с НИМ рядом. Гектор смотрит на меня сверху вниз, прищурившись. Не моргает. Жжёт насквозь. Он выше меня на три головы, я поражаюсь его объёмам и нечеловеческому росту. Про конституцию тела вообще молчу. Ни дня без качалки. Завидные мускулы, потрясающие пропорции фигуры, пресс как броня танка. Олимпийский бог. Но лишь телом. Потому что в душе он порочный

демон. Я едва успеваю вдохнуть, бандит грубо тянет мои волосы на себя, как за поводок, заставляя меня встать на носочки, мысленно заскулить.

– Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста... – панически шепчу я сдавленным шёпотом, будто молюсь перед смертью. Как будто ударит сейчас. По стене расплющит, превратив в ничтожное воспоминание. Власть и сила ощущается в каждом его уверенном, устрашающем движении. Одной рукой он властно держит мои волосы, второй – хватает за шею. Его ладонь горячая, слегка шершавая и огромная. Как две мои. По коже несётся лавина жара. В комнате становится как в пекле. Этим действием бандит явно даёт мне понять, что отныне я – его трофей.

Он страх на меня нагоняет, играет, забавляется. И страшно, и сладко становится одновременно. Я мельком смотрю, как его мощный бицепс напрягается, в два раза увеличиваясь в размере, когда он крепко держит меня в тисках. Это не рука. Нет. Кусок суперпрочного мрамора какой-то.

Я забываю собственное имя и проваливаюсь в пропасть, когда мужчина вдруг ослабляет давку на шее. Рука перемещается на моё лицо. Бандит трогает меня. Гладит, примеряется к новому приобретению, будто оценивает на ощупь товар на витрине, при этом загадочно хмурится. Сильно хватает за подбородок, пальцами надавливает. Скользит ими вверх, к губам... Тук. Тук. Тук. Моё сердце на запредельной скорости вколачивается в рёбра. Я не знаю, что творю. Действую на инстинктах выживания. Я несмело обхватываю губами его большой и толстый палец. Начинаю его сосать. Как умею. Втягиваю в рот, скольжу по нему языком, старательно вылизываю. А у самой щёки от стыда полыхают, будто на солнце обгорели. Боже, что я творю? Я должна понравиться бандиту, должна воспламенить в нём сумасшедшее желание. И делать всё, чтобы стать интересной и желанной для него. – М-м, какой смелый ход. Что, не терпится в рот взять? Я застываю. На ресницах скапливаются слёзы. Губы начинают дрожать и пульсировать, а смелость вдруг куда-то улетучивается. На языке расцветает его уникальный вкус. Тяжёлых сигарет. Дорогих духов. Мускуса. Убийственный микс. Нет. Не смогу. Лечь под зверя. Слишком он страшный. И о чём я только думала, когда переступила порог его владений? Опасный взгляд главаря скользит ниже. На мою обнажённую грудь. Хищник облизывается. В черноте радужки вспыхивает красное пламя. Я понимаю, бандит завёлся не на шутку. Он возбуждён. Чертовски сильно. Я боюсь опустить голову ниже, чтобы увидеть его стоячий член. Но я знаю, что он уже направлен на меня штыком, восстал в полной боевой готовности взять своё. Иначе почему мужчина смотрит

на меня так алчно, будто собирается в клочья порвать? Его энергетика вопит сама по себе. Он жаждет взять меня всю. Опробовать, посмаковать каждый миллиметр юного тела. Затрахать, отжарить, опорочить столь редкий трофей по полной программе. Я закрываю глаза на несколько секунд и отчего-то невольно погружаюсь в воспоминания нашего разговора, который состоялся два часа назад. – Что тебе надо от меня? – грозно спрашивает он.

– Мне нужна ваша защита. Еда. И дом. – Не жирная ли заявочка? – усмехается, обнажив белые-белые зубы. – А лет тебе сколько? – Девятнадцать. Пауза.

– Почему не убили? Могли бы добить... Когда нашли меня в грязной луже с воспалённой рваной раной. Или бросить. Чтобы руки не марать. Мне недолго оставалось. Вы передумали?

Он мается. Нервничает. Будто умалчивает что-то важное или врёт.

– С чего ты решила, что привлекаешь меня? Что ты можешь мне дать, что не могут дать другие? Грязь и вонь? Что? Почему я должен взять в личные шлюхи именно тебя? Претенденток сейчас в избытке. Трахать не перетрахать. Тошно уже от ряженных лахудр.

Буржуй! Зажравшийся. Ах, тошно, значит? Но я не такая, как они. Его холёные мочалки из бандитского клуба шлюх. Я особенная. Почему? У меня есть феерический секрет. Узнает, слюни потекут, как у пса бешеного.

– Может, не в шлюхи. Я могу стать вашей домработницей.

Наивная. На что надеюсь? Лишь веселю нелюдя. Бандюган раскатисто смеется – Не нуждаюсь. У меня хватает обслуги. Ну же, убеди меня! Или проваливай!

– Я... Соберись, Крис! Я должна убедить мужлана, а он должен оставить меня под своим крылом. Это единственный шанс выжить. Если я ещё раз попадусь на глаза пьяному отчиму или шайке гопников в переулке, боюсь, следующий день не наступит.

– Что ты? – надменно коверкает мою интонацию.

– Я... – судорожный вдох. – Ещё девочка. Бинго. Как тебе это, бандит?
Девственницы в наше ужасное время – всё равно что редкий бриллиант. А такие денежные мешки, как Гектор, полсостояния выкинут, чтобы порвать целку.

Во тьме замогильных глаз что-то меняется. Мгновенно. Огненной вспышкой. Как будто он только что завоевал весь мир.

– Повтори.

– Я девственница! Никогда не была с мужчиной, – сжимая кулаки, я стараюсь не дрожать и выглядеть бесстрашной.

Мой ответ невероятно сильно шокирует головореза. Я кожей чувствую, как он весь начинает трястись и закипать от жажды.

– Докажи!

Мужчина в два широких шага сокращает между нами дистанцию. Я взвизгиваю, когда амбал хватается меня за халат и дёргает его на себя. Тот с треском рвётся в плечах. Мурадов толкает меня животом на подлокотник дивана, задирает халат до талии.

– Ноги! – сипло приказывает.

Голос вибрирует от сумасшедшей жажды с примесью предвкушения.

Я маюсь и дрожу.

– Раздвинь. Ноги. Шире.

Не могу пошевелиться.

– Если ты хочешь быть моей, ты должна подчиняться с полуслова и выработать эту привычку, как послушная зверушка! Как условный рефлекс!

Мне приходится сжать волю в кулак. Я кусаю нижнюю губу, упираясь щекой в холодную кожу дивана, кое-как размыкаю бёдра, пока горячее мощное тело давит на меня сверху, как многотонный каток под собой расплющивает. Горячий. Жар мускулистого тела обжигает, как раскалённая печь. Я начинаю дрожать в патологическом ознобе, когда Гектор гладит мои бёдра. Он такой бугай неотёсанный, неповоротливый танкер. Его рука крепкая, сильная, он шею ей сворачивает своим врагам, как головы цыплятам, но гладит меня так нежно, что я вдруг замечаю, как моё дыхание учащается, по коже проходят волны вибраций, а внизу живота разливается тягучее тепло. Он будто ласкает меня, как нежный, диковинный цветок, трепетно исследует молодое девичье тело.

Сильная рука верзилы ныряет между моих ног, обрушивается на бархатные складочки. Я мысленно взвизгиваю. Сердце в груди начинает быстро-быстро стучать от захлёстывающей паники. Мужчина уверенно надавливает на лоно, будто знает своё дело, чуть растирая влагу в узком местечке. Я не дышу, когда чувствую, как палец бандита входит в глубины моего тела.

Что? Я влажная? Я увлажняюсь для него. Против логики.

С ума сойти. Этого от самой себя я никак не ожидала.

– Ту-го, – голос хрипит, обрывается. Мужчина давит на меня своей мощной массой, подчиняя. Он весь трясётся от сенсационной новости, даже суровая интонация в ледяном баритоне меняется на лёгкую сладость. – Ты и правда целая? Но как такое возможно?

– Берегла. Для вас. Как дань.

Я умная. Я знаю, что мне нужно было сказать именно это. Подыграть бандиту, чтобы получить билет в лучшую жизнь. Моя тактика срabатывает. Бородач принимает моё предложение.

– Эй, ты здесь? – громила энергично меня встряхивает, возвращая в реальность. Он грубо пронизывает пальцами мои скулы и повелевающим басом заявляет: – Обращайся ко мне на «вы». Отныне я – твой хозяин.

Пауза. Свист в ушах. В венах вспыхивает лава.

– Что застыла как столб? – в руках бандита звякает пряжка ремня. – На колени. Я падаю, словно поломанная марионетка. – Покажи, на что способна! Ошарашивает своим желанием, как ведро льда за шиворот высыпает.

– Я принимаю твою сделку, Кристина. Да начнётся обмен.

Его грозное лицо перед моими глазами расплывается от нахлынувшего нервного головокружения. Вот теперь я понимаю по-настоящему, что натворила. Строить планы казалось проще простого. Но когда дело дошло до практики, стало уж совсем безрадостно. И адски страшно. Я не думала, что будет так трудно. Я думала, справлюсь. Потерплю. Но недооценила масштабы риска. Я и не представляла, что у него такой большой и мощный... боевой ствол в штанах.

Поздно. Пути назад нет. Контракт с дьяволом подписан. Теперь я... игрушка опасного бандита.

Глава 1

– Сюда иди, шалава драная!

Я не успеваю даже зайти домой, моё сердце падает в пятки, когда вижу красную небритую рожу Корнея – моего отчима. В одной руке пивная бутылка, в другой – дымящийся бычок. В рваной тельняшке и в застиранных штанах с вытянутыми коленями он прёт на меня, будто бульдозер без тормозов. Реакция молниеносная. Я бросаю всё, пулей мчусь в уборную, едва успеваю грохнуть дверь у самого его носа и задвинуть щеколду, как тут же слышу череду мощных хлопков. Тяжёлое поджарое тело врезается в дверь ванной комнаты. Я тяну ручку на себя, удерживая за дверью сущее зло, слетевшее с катушек, трясусь и отчаянно бормочу молитвы. Чёрт! Отчим сегодня не в духе. Он набрался в хлам, как обычно. – Ты чё, офонарела? Дверь открыла, я сказал!

Он бьётся о дверь ванной. Наваливается на неё всей своей мясистой тушей, хаотичными очередями тараня проеденное термитами дерево внушительной массой. Бах! Бах! Бах!

Отчим выдалбливает собой дверь, как будто он не человек, а кусок полена и дверь не дверь, а хлипкий картон. Как бешеный бык, который озверело бросается на мишень, он крушит её в щепки. Стены и потолок трясутся как во время землетрясения. Я падаю на пол, закрываю уши руками и реву. Страшно! Обычно он знал меру, но сейчас окончательно спятил! Дверь почти слетает с петель, уже держится на соплях. Стены в нашей зачуханной двухкомнатной квартире, построенной в районе для рабочего скота, не толще бумаги. Бах! Дверь вылетает окончательно, я вскакиваю на ноги, хватаясь за сердце, которое лопается в груди, как корабельный снаряд. – Попалась! Я очень долго ждал этого момента... Крис-тина! В глазах мужчины искрится нездоровый блеск. Он растягивает моё имя. Пошло, гадко, по слогам. И смотрит на меня. Будто насквозь чёрными глазами пронзает, как лезвиями. Так жутко пялится, как полоумный психопат, аж глаз левый от нервного тика дёргается. Отдавшись панике, я действую спонтанно, на эмоциях. Верещу, бросаюсь в убудка всем, что попадаётся под руку, дезориентирую его своими криками и отчаянной обороной. Медведина с заплывшим жиром брюхом теряет равновесие, пошатывается, заваливаясь вбок, когда получает в лоб отменную подачу флаконом из-под шампуня.

– Блять! – трёт свой лоб засаленный и воет как побитый пёс.

– Отвали от меня! У тебя что, белая горячка обострилась? Я со всей силы толкаю пьянчугу в грудь, вылетаю из ванной, бегу, спотыкаюсь. Но не так-то просто выбить из равновесия стокилограммовую тухлятину хрупкой девушке весом в сорок семь килограмм. Уже, наверное, в сорок шесть. Если не пять. Последний раз я ела... вчера вечером. То есть сутки назад. Корней ловит меня в движении, бьёт кулаком по плечу, будто ключицу напололам ломает. Хруст. Стон. Я падаю, поднимаюсь. Бегу к двери. Снова удар. В ушах свистит. Я теряюсь в пространстве, будто боец, контуженный на поле боя. Падаю на пол, а он на меня сверху наваливается, зажимает, как плитой бетонной сплющивает – ни вдохнуть, ни выдохнуть. Дышит перегаром в лицо, матерится, двух слов толком связать не может. Я задыхаюсь от запаха дешёвой палёнки и дерьмовых самокруток. Треск ткани. Сердце подскакивает до самой глотки. Это уже перебор, правда! Двинутый на всю голову идиот! Он рвет на мне одежду. – Прекрати! Я серьёзно! Я машу руками, извиваюсь, брыкаюсь. Козёл! Он до смерти меня пугает! Его дебилские бзики зашли слишком далеко. И он сам слишком здоровый, и на сантиметр с места не сдвинуть. Пьяный вдрызг, неадекватный. Своей мясной тушей он давит меня в лепешку, выбивая из лёгких весь кислород. Корней мужик хоть куда! Пока я себе язву ращу в желудке с голоду, он наши последние кровные допивает и дожирает. Мразь.

Подарок судьбы! Я совершенно случайно нащупываю бутылку из-под палёнки, которая, к превеликому счастью, валяется рядом с моим бедром, хватаю её и со всей силы бью по цели. Хлопок. Стон. Грязные маты. И... тишина. Кое-как я сбрасываю с себя вонючее обмякшее тело. Почти надрываюсь! Но мышцы в плечах точно тяну. Я вскакиваю на ноги, быстро мчусь в комнату, сейчас каждая секунда на вес золота. Без понятия, на сколько его хватит. Надеюсь, не пришибла... Впопыхах собираю вещи, беру деньги под половицей на балконе – всё до единой копейки выгребаю. Их я откладывала на чёрный день, на побег. Все свои скудные пожитки заталкиваю в рюкзак, который набрасываю на плечи. Не глядя на Корнея, я быстро выскакиваю из квартиры. Бил ли Корней меня? Нет. Толкал разве что. Пока только это. Били другие... Местные банды гопников, которые держат район. Оглядываясь по сторонам, я вылетаю на улицу. Пыльная мусор под ногами, быстро юркаю в переулок. Бегу, петляя между тёмными замызганными проходами, при этом зажимаю нос, чтобы меня не стошнило от вони. Отдышавшись, я выскакиваю на соседнюю улицу, пересекаю черту другого района, более спокойного, немного успокаиваюсь. Набрасываю на голову капюшон старой застиранной толстовки и бреду вдоль пустынного тротуара.

Тишина. На улице сгустилась глубокая ночь, в округе ни души. Лишь рык моего пустого желудка будоражит могильную уличную тишь. Я прикусываю язык, бью себя по пузу, чтобы оно заткнулось, прячу руки в карманы и, к моему редчайшему счастью, обнаруживаю в карманах немного мелочи. Выгребаю крупинки счастья в ладонь, дрожащими пальцами пересчитываю неожиданную заначку, вяло улыбаюсь. На бургер пожрать хватит! Может, даже и на колу останется. Осматриваясь, будто преступник, я заталкиваю мелочь в старые кроссовки, чтоб наверняка. При ходьбе – дискомфорт, зато желудок задобрен будет. Поймают – до копеечки вытряхнут, как копилку трясти вверх тормашками будут. Уроды.

В суровом мире суровые законы. Да, мы будто деградировали на миллион лет назад до нашей эры в эпоху хренолита и теперь вот живёт по законам мира животных: «Выживает сильнейший». Ну, или на крайняк смекалистый. Не дай бог местные шишки района схватят... до трусов обдерут. Хорошо, если просто обдерут, а не поколотят как следует за то, что я сунулась на чужую территорию. Я не должна хотя бы сегодня остаться без ужина. Тех денег, что я взяла из заначки, надолго не хватит. А завтра утром попробую найти хоть какую-нибудь подработку. Не думаю, что будет легко. Но попытаться всё же стоит. Надежда подыхает последней. Я еще полна сил, чтобы побороться за жизнь. Она ведь может стать и лучше? Главное – не опускать руки. Добравшись до магазина, я покупаю бургер и колу. Приземляюсь на тротуар и за минуту его съедаю. Одним

глотком. Вместе с пальцами бы слопала, не остановись бы я вовремя. Что ела, что в лужу глядела. Отряхнув руки, я подхватываю рюкзак с асфальта и направляюсь в сторону вокзала. Ужин есть, осталось найти место для ночлега. На вокзале сегодня что? Аншлаг? Все лавки заняты, кругом шарахаются толпы мутных личностей, лучше бы мне сделать ноги... Поэтому немедля я плетусь к Ленке – лучшей подруге детства. Если повезёт и у неё сейчас появилось окно, она меня приютит. Хотя бы на одну ночь. Сейчас Лена начала принимать клиентов ещё и на дому, поэтому она против того, чтобы я у неё ночевала. В рабочее время, так сказать. Да и я не горю желанием маячить там.

Плотнее закутавшись в пайту, я бреду вдоль тротуара, направляясь к дому подруги. Чёрт, холодно сегодня! Я уже себе все пальцы отморозила. Что же делать? Зима на носу. Мне срочно нужно найти жильё и работу, иначе ледышкой стану в одно ужасное пасмурное утро. Почему я раньше не сбежала из дома? Квартира моя, то есть мамина. Но властям сейчас нет никакого дела до пьяных разборок одной неблагополучной семьи. Да и никогда в принципе не было. Власть в городе поменялась. Относительно недавно. На верхушке правления встал новый криминальный авторитет. И срать они хотели на проблемы простого нищего сброда. Им всегда было до лампочки, что у нас здесь происходит и кто кого убивать намылился. Они держали нас, простых смертных, в качестве дешёвой рабочей силы. Я жила нормальной жизнью, пока не пришли... другие. Мамы не стало, а отчим стал пить. Отчим? Её парень, если выразиться точнее. Они жили в гражданском браке. Когда наш процветающий во всём смысле этого слова город прибрали к рукам бандиты, жизнь горожан превратилась в настоящий ад. Отец бросил мать ещё до моего рождения, до перестройки мы со всем прекрасно справлялись сами. А когда город захватили банды, кругом начал твориться страшный беспредел, мама быстро нашла нам защитника. Она была вынуждена это сделать. Корней – здоровый коренастый лоб, под два метра ростом. Он как никто другой идеально подходил на роль защитника. Вот только мать не догадывалась, что он стал жить вместе с нами не только из-за жилья и её обещания, что она отпишет ему полквартиры. Он преследовал иные цели. Он давно хотел заполучить меня. Не мама его привлекала, а дочь. Я быстро шмыгаю в обшарпанный подъезд, бегу на второй этаж изгвазданной хрущёвки, с нажимом давлю на звонок квартиры под номером «82» с прогнившей деревянной дверью. Мне кажется, будто за мной кто-то гонится. Наверное, поэтому сердце под рёбрами отплясывает сальсу. Если отчим очнётся и найдёт меня, страшно представить, что утырок со мной сделает. Шаги. Скрипучая дверь распаивается настезь. Меня встречает удивлённое лицо темноволосой девушки, стриженной под каре. Лена хмурится, окидывает меня недовольным взглядом, а я задерживаю дыхание, потому что не узнаю подругу. Она выглядит... довольно

болезненно. – Что с тобой? Чё так поздно? На тебе лица нет, – хрипло спрашивает девушка, закашливаясь. – Корней приставать начал, – грустно вздыхаю я, переминаясь с ноги на ногу, застыв у порога. – Вконец спился. Крыша поехала. Я домой больше ни ногой. Кто знает, что ему в башку стукнет. Лучше на свалке жить буду, чем под одной крышей с ним. Пустишь переночевать?

– Только до утра. У меня завтра клиенты на дом придут.

– С клуба? – Нет. Я ж подработку взяла. – Шутишь? А если ОН узнает? – Ой, да не узнает, – отмахивается она, впуская меня внутрь своего клоповника, в котором не лучше, чем на той же самой свалке у теплотрассы, на окраине района, в которой я думала заночевать. Её заявление меня не на шутку шокировало. – Со смертью играешь. Тебе денег не хватает? – Вот! Как раз хотела у тебя попросить... Не одолжишь мне? Немного.

– Серьёзно? Ты ведь сама хвасталась мне своей зарплатой! – Ну так получилось. – У тебя, кстати, ещё более нездоровый вид. Как у наркоманки. Я усмехаюсь, а подруга на мою шутку реагирует лёгким оскалом. Синяки такие под глазами – жуть. Похудела она, высушилась как вобла. Я даже не сразу узнала Лену. И бледная, как родная сестра самой костлявой.

– Ты заболела? – шутки в сторону. Я с беспокойством трогаю её лоб, а она нервно отмахивается. – Отстань! В порядке я. Пойдем чай пить. Пообщаемся немного. Разговор не особо задался между нами, да и мне спать очень сильно хотелось. Глаза слипались. Я провела в дрёме всего пару часов, проснулась за час до рассвета. Как будто что-то тяжёлое треснуло по голове. Меня осенило. До этого я думала-гадала, что с моей Леной случилось, она ведь за пару дней стала абсолютно другим человеком. И я догадалась. Я не стала будить ее. Молча ушла, не дожидаясь рассвета. Пока бежала вниз по лестнице и пряталась в темных переулках, молилась, чтобы меня никто не заметил, будто и не заходила я к ней никогда. И не вернусь больше. Вообще. Я вдруг поняла, зачем ей нужны были деньги. Когда под кроватью увидела несколько использованных презервативов и одноразовый шприц. Это всё. Это конец. Конечная остановка! Она максимум месяц-два проживёт. Её на иглу посадили, деньги с неё вытягивают. Местная дерьмота. Пропал человек. Труп живой уже, списан на кладбище. Жаль её. Хорошая девушка... Была. Кто-то, видимо, охмурил её и под себя подложил, чтобы все свои деньги, заработанные в клубе, она этому кому-то отдавала. Но я и не буду пытаться помочь. Сама пострадаю. Лену уже не спасти. Тем более ОН об это узнает. Причём быстро. И в порошок сотрёт за предательство. А я под

раздачу попаду ненароком. Нет! Сама виновата, умнее надо быть. Тут я ей не Супермен, чтобы из беды вытянуть. Своя жизнь дороже. А Лена обречена. Не выжить ей. Нет шансов. Ни капли. В ситуации, когда дело касается жизни и смерти, человек становится человеку волком.

Глава 2

Вечереет. Холодеет. Ёжась от холода, я шмыгаю в один из переулков. Там, за мусорным баком, я нахожу две большие картонные коробки. Мастерю из них что-то похожее на кровать. Накрываюсь картоном с головой, закрываю глаза, собираюсь вздремнуть. Не проходит и часа, как вдруг я чувствую, как на меня обрушивается сильный пинок в бок. – Так, так! Кто тут у нас? Я подсакиваю на месте, собираюсь бежать, но меня ловят за плечи чьи-то грубые руки и отрывают от земли.

– Пустите! Пустите! – кричу, брыкаюсь. Страх бьёт по спине кнутом. – Какого хера, пацан? Ты не из нашего района? Перед глазами серебрится лезвие острого ножа. Я застываю. Лишь грудная клетка ритмично колыхается. Один из чмошников приставляет мне нож к горлу. – Я... я случайно здесь оказался. Заблудился, – меняю голос до хрипа, как во время простуды.

– Деньги есть? – спрашивает второй, сплёвывая на грязный пол мокроту, а третий светит мне в лицо фонариком. Их трое. Три огромные фигуры в капюшонах. – Отпустите м-меня?

Меня хорошенько встряхивают.

– Заплатишь – отпустим, – гаркает один кашалот. – До следующего раза, – глумливо добавляет второй.

– Они там... в рюкзаке, – с надеждой отвечаю я, стараясь изо всех сил не выдать свою истинную интонацию голоса. Они должны думать, что я парень. Оборванец в поношенных штанах и грязной пайте. Под серой вязаной шапкой у которого прячется копна пышных пшенично-русых волос. Пацанскую одежду я у отчима стырила, когда сбежала.

Меня отпускают, ублюдки отвлекаются на мой рюкзак, а я со всех ног мчусь вглубь переулка, сбегая. Чёрт! Как жаль. И деньги, и пожитки. Но жизнь и девичья честь дороже.

Сердце рокошет как автомат, в висках давит, по щекам льются слёзы. Я петляю между переулками, не оборачиваюсь. Надеюсь, не преследуют. По крайней мере я не слышу их криков. Юркаю в ещё один проход, вижу там ржавый мусорный бак. Не думая, открываю крышку и ныряю в кучу мусора. Крышка захлопывается, я превращаюсь в затаившуюся мышку.

Ну и вонища. Я зажимаю нос, закрываю глаза и просто молюсь, чтобы меня не поймали. Те утырки – одна из немногих группировок, что держит район. Если бы они узнали, что я девушка... ни за что бы не пощадили. К утру, возможно, я была бы мертва. А они бы поделили моё тело на троих и выбросили меня на помойку умирать от ссадин и увечий. С девушек дань за существование мрази берут телом.

Они взяли дань за то, что я хожу по их земле и дышу их воздухом. Взамен меня не пустили по кругу. Наш район для бедняков не привлекает нового хозяина города. Может быть, пока ещё. Районы на окраинах – отдельное государство. Сейчас здесь образовалась своя жизнь, после перестройки появились новые лидеры, а в городе сформировалась строгая иерархия. Есть город. Есть районы. Разного класса. Низкий, средний, премиум. Я нахожусь на низком уровне. Нас называют рабами. Мы за гроши выполняем самую унижительную и грязную работу. Каждый район держит своя группировка. Лидеры банд регулярно несут дань верховному вожаку, а также докладывают о том, что происходит на их территориях. Сбежать из города невозможно. Город закрыт. Повсюду блокпосты. Мигрантов и беженцев ждёт смерть. Ещё пять месяцев назад я жила обычной жизнью, и нас всё устраивало. Была работа, еда, безопасность. Один день решил всё. То жуткое событие назвали кровавой бойней, и оно вошло в историю. После жестокой расправы над семьёй Саида власть в городе занял Гектор и его подельники. С восхождением кровавого мясника на трон над мирным городом сгустились чёрные тучи. Рай стал адом. Грабежи, перестрелки, пожары. Улицы города захлестнул страшный хаос. За несколько месяцев кануло всё. Сейчас окраины города напоминают поселения выживших после мирового Апокалипсиса.

Вот и что теперь мне делать? У меня ничего нет. Абсолютно. Голые руки, дырки в карманах. Последнее отобрали, твари. Новый день ещё хуже предыдущего.

Отчаявшись, я обмякаю и засыпаю с мыслью, что завтра смогу найти хоть какую-нибудь работу или еду.

?

- Пшла отсюда! Шалашовка блохастая!

- Ну, дяденька, пожалуйста, давайте я полы вымою в вашем заведении! До блеска затру. Как новенькими станут! Или посуду перемою! Я всё могу! Я много чего умею!

- Тьху на тебя! Сказал же, нет работы! Нечем платить. Каждую копейку считаю сейчас, власть в городе поменялась. Одна банда уходит, другая приходит. Сам скоро землю жрать буду от безденежья. Задолбали, нелюди проклятые!

- Ну можно хоть за еду? Пол подмету! Или мусор вынесу.

- Прочь пошла, повторяю, - ногой грозно топнул. - Слов человеческих не понимаешь, что ли?

- Ну хоть горбушку хлебца дайте? - с протянутыми руками лашусь к трактирщику, из глаз слёзы выдавливаю.

- Я сейчас вышибалам звякну, коль не испаришься в воздухе, моль назойливая.

- Не-не, всё, ухожу. Поняла. Не глупая.

Я разворачиваюсь, прячу руку в карманы и почти срываюсь на бег. Живот жалобно рычит, да так громко, что на весь переулок слышно.

- Эй! Ладно, погодь. На вот, - я оборачиваюсь. В ноги что-то падает. Неужели? Корка черного! Раскошелился всё-таки, сноб зажавшийся.

С жадностью я опускаюсь на колени, стряхиваю пыль с куска хлеба и смотрю на него с такой щемящей болью в сердце, будто вижу слиток золота.

– Спасибо, – сдавленно шепчу.

– Как звать-то?

– Кристина.

– Не серчай, Кристинка, коли будет работа, я свистну, сама понимаешь, какие сейчас времена паршивые грянули. Как звери живём и за кусок сухаря глотки друг другу грызём. Валить из города надо. Да денег нет, город закрыли, как в клетке заперты, рабы ЕГО вечные. Ни туда, ни сюда. Эх! Жизнь-жестянка!

Я молча киваю, прячу сухарь за пазуху поношенной пайты, разворачиваюсь и шагаю прочь. Старый прав. А ведь раньше, при другой, так сказать, власти, в городе даже дышалось иначе. Но пришли другие. Кровавые реки пролились... Новая власть теперь правит. Гектором его кличут. Даже вслух боятся имя нового вождя произносить. Жестокий он. Могущественный. Никого не щадит. Нельзя ему на глаза попадаться, если жизнь дорога. Такой одним махом сердце из груди выбьет, когтистыми пальцами его в кулаке стиснет и в фарш мелкий сплющит. Даже и пикнуть не успеешь. Не человек он. Зверь самый настоящий. Монстр плотоядный. Чудовище беспощадное. Один взгляд на него – и ты труп. Слухи разные по городу бродят. Но истина одна – смена власти. На троне новый король теперь. И нет в его чёрном сердце ни капли милосердия. Там жестокость и тьма сплошная. Тиран он, кровопийца безжалостный. А мы – рабы его немощные и жить теперь будем по его правилам. Неподчинение – страшная смерть. Бежать некуда. Молиться бессмысленно. Дьявол уже стоит за твоей спиной. Я решила попытать удачу и направилась в центр города. Но там тоже есть жирный минус – патрули. Они прочёсывают улицы и отлавливают тех, кому здесь не место.

Два дня проходит. Местные полицейские нам меня недобро косятся. Пора менять место кантования. Я думаю. Строю планы. Ничего на ум не приходит. Я шныряю по городу, брошенная на произвол судьбы. Покупаю себе сраный сэндвич на мелочь, которую мне дали в кафе за то, что я вынесла их мусор, и того половину отдаю бродячему псу из-за жалости к животному.

Я пытаюсь найти работу, но тщетно. Меня попросту посылают нахер. А домой я не вернусь. Сукин сын убьет меня, если я сама его не убила. Я боюсь. А вдруг... Перестаралась. Кровищи там было... Жесть.

Я до одури хочу есть! Но денег у меня кот наплакал. С перестройкой власти сейчас работу найти очень трудно. Но на панели всегда рады молодым красоткам. Нет уж, спасибо. Я лучше с голоду сдохну, чем буду телом торговать, не мой профиль, хоть вот Ленка моя хвастается да не нахвастается, как она ноги перед бандюками бородатыми раздвигает и как они ей щедро бабло отстёгивают за приятное времяпрепровождение.

Мне вдруг вспомнился недавний разговор с Леной.

– Ой, тоже мне скромница нашлась! А-ха! Посмотри на себя, в кого ты превратилась? Кожа да кости. Как бомж одеваешься!

Ничего подобного! Не бомж я. Просто как мужик одеваюсь, специально, чтобы внимание к себе не привлекать. С приходом новых налетчиков мне вообще стало страшно на улицу показываться. Первые три дня, после того как по всем каналам объявили о смерти Саида Закирова и всей его семьи, которую вырезали прямо на свадьбе его старшей дочери, на улице чёрт знает что творилось. Грабежи, убийства, погромы. Отчим тогда дверь сваями забил, замуровал нас в четырёх стенах на трое суток и на мушке её держал, аж трясся весь и думал, что вот-вот кто-нибудь внутрь ворвётся. Он даже ствол где-то раздобыл. Украл, наверное.

Смотрели фильм «Судная ночь»? Ну вот, в те дни мы почувствовали себя героями трешового боевика.

– А хошь, я тебя по дружбе в тёпленькое местечко пристрою? Знаю, тебе вряд ли понравится, но ты хотя бы жить как человек будешь, а не как псина с помойки. Шмотки блестящие, цацки навороченные. Ты станешь ИХ девочкой.

– То есть? Клубной шлюхой?

– В клубах Гектора не принято девушек шлюхами обзывать. Мы для него – девочки. Он добр к нам. И щедр. Никогда руку не поднимет. Но трахают его парни жёстко. Как твари ненасытные во все дырки отжаривают. Не буду тебя пугать, кто как этот факт воспринимает, но многим девочкам нравятся огромные приборы, – я краснею, а Ленка хихикает. Увы, мне не с чем сравнить. Я неопытна и невинна. Чиста, как слеза океана. – Тебя кто угодно заказать может. Хоть рота целая бородатых лысых лбов, которые тебя по кругу пустит. Ужасное

заявление. Нет уж, такая работа определённо не для меня. Лену я понимаю, у неё выхода нет, как и у многих живущих здесь девушек. Она от отчаяния в клуб работать пошла. Телом торговать. Жить ведь хочется. А голод даже хуже смерти. Он толкает людей на безумные вещи.

– Слушай, а ты когда девственности лишилась? – я задала подруге очень важный и волнующий меня вопрос.

– Когда в клуб пришла, там и лишилась. Гектор меня на аукцион выставил. Я другу его хорошему досталась. Он был сдержан со мной. Пожалел.

– Больно было?

– До дури! Зато потом... Я от кайфа рыдала. Мне нравится то, чем я занимаюсь.

– Секс?

– Да, секс с настоящими мужиками. Ты бы их видела. Это не мужики, а медведи! С огромными брёвнами между ног. Раз попробуешь поскакать на таком инструменте, как на наркотик подсядешь.

И она под села. Только не на члены, как говорила, а на порох. Два дня назад я видела Лену в последний раз в жизни.

Глава 3

Вечереет. Я сижу на высоком парапете напротив клуба с яркой неоновой вывеской, жую губу и прикидываю дальнейшие планы на жизнь.

«Элизиум». Так указано на вывеске яркими мерцающими буквами. Роскошное место. Рай на земле. Любимое заведение вождя города. Он там часто расслабляется после того, как обделает свои тёмные делишки. На свой страх и риск я хотела устроиться туда уборщицей, но администраторы сказали, что я опоздала. В вакансиях только шлюхи выставлены. Я ругаюсь сквозь сжатые зубы, спрыгиваю с парапета, собираюсь уйти, как вдруг шум слышу. Рокот

мотора. Агрессивный. Будоражающий. Да не один. Ко мне приближается реальный оркестр. Ну, мать его, почти кортеж президентский.

Я оборачиваюсь и вижу вереницу внедорожников. Лощёные, завидные тачки, все как на подбор одинаковые, громоздкие, царские кареты. Кортеж целый. Они останавливаются напротив клуба, друг за другом в ряд выстраиваются, у меня аж челюсть отвисает. Оттуда гурьбой вываливаются бородатые мужики. И ОН. В центре компании. Вышагивает самоуверенной, напыщенной походкой, как будто плюёт свысока на нас, блох мелких.

Его окружает толпа рослых мужчин. Коротко стриженные. Бородачи. В чёрных куртках с заклёпками и в синих джинсах. У всех одна одежда, как униформа, что ли? Я давлюсь собственной слюной, а потом почти на пол собственную челюсть роняю. По коже противными змеями ползёт чистый страх, скручивая нервы в узлы. Бандюки опасно осматриваются, сканируя территорию грозными взглядами, держат руки на стволах, которые торчат во внутренних карманах курток. Бородатые мамонты охраняют своего лидера будто он – уникальное, неповторимое сверхсущество.

Я вырастаю в землю, как столб, напрягаю зрение, зачаровано рассматривая предводителя. Кладезь мощи. Источник страха и ужаса. Вызывающий непреклонное уважение. Дух захватывает. Я будто попадаю в эпицентр остросюжетного боевика. Я никогда не видела настолько опасных, внушающих смертельный ужас мужчин!

Он реальный вообще? Ну не может обычный человек быть таким здоровилой! Великан. Кинг-Конг. Кровожадный шакал. Если он вдруг заметит меня и посмотрит, клянусь, я помру на месте.

Черты лица главного жёсткие и мрачные, но в то же время притягивающие. В его глазах беспросветных тьма клубится. Он вожак стаи. Я догадываюсь, кто это. Тот самый Гектор Мурадов. Налетчик, безжалостный мясник. Новый хозяин города. Он передвигается как хищник. Всегда начеку. Поэтому его боятся и уважают. Он не допускает ошибок. Планирует дела от и до. Поэтому и выиграл войну, как на пол плюнул.

Рядом с ним шлюхи ряженные вьются. Их бандиты со всех сторон окружают и как редкие бриллианты охраняют. Зависть жжет душу в тлен. Вот бы и мне такую

жизнь беззаботную. Красотки. Они его девочки. Породистые ухоженные сучки. И я рядом мнусь, как бомж вокзальный, в пацанской грязной одежде. Ну куда мне до них? Мечтать не вредно. Но я бы всё отдала, чтобы жить как королева.

Я схожу с ума от отчаяния. Как вдруг в мыслях зреет план... А что, если попробовать подобраться ближе к авторитету? У меня выбора нет. Нет идей. Совершенно. Хоть с моста сигай или под грузовик.... Нет сил больше мёрзнуть на холоде и мучиться от голодных болей в животе. Только одна идея появилась. Гектор. Он – моя идея.

Он здесь всё. Он власть и бог. Верхушка мира сего. Надо к нему примкнуться. Но как это сделать? Где мне одежду красивую раздобыть, чтобы привлечь к себе внимание и вызвать у самца желание? Украсть? А если поймают? Руки ведь отсекут без разбирательств. Такие парни не шутят и ошибок не прощают. Плевать на законы сейчас. Особенно во время перестройки. Ничего лучше, как упасть под машину бандюгану, мне не приходит на ум. Это риск. Но это и шанс денег получить. Я попробую вытрясти из него плату за моральный и телесный ущерб.

Стоп.

Нет!

Бред же! Я вообще уже с голоду конкретно так дурею!

Лучше украсть одежду и заявиться к нему напрямую. Как шалава распущенная. Пробовать всеми способами протолкнуться в их шайку. Придется действовать как Лена. Стыд. Позорище. В его клуб шлюхой себя предложить. Но что делать? Если они меня не под того подложат?

Миссия – провал. Он элитных красоток драть предпочитает. А меня, замухрышку, под его парней подсунут. Бойцов его верных прикажут ублажать. Фу! Мерзость. Я его хочу. Только его... Как увидела зверя этого могучего, адского агрессора, так оторваться от него силы воли не хватает. Хоть и страшный, как сам хаос, но безумно красивый. Внушительный. Вот что значит настоящий мужчина. Источник мощи и силы. Ходячее жерло тестостерона.

Свита быстро скрывается в стенах клуба, я остаюсь одна. Вздыхаю. Прячу руки в карманы штанов и бреду в сторону вокзала. Буду за ним следить и дальше, а там решу.

С каждым днём становится всё холодней и холодней. Я понятия не имею, где взять вещи потеплее, а лучше – еду. Прошло три дня. Я едва свожу концы с концами, работу найти не удаётся. Я брожу возле главного бандитского клуба, но мне так и не хватает смелости туда заявиться. Я наблюдаю за ним. Издали. Не могу оторваться ни на секунду. Почему, когда я смотрю на бандита, моё сердце начинает биться на грани, а по телу разливается странный жар? За пару дней я немного успела изучить свою цель. У Гектора есть чёрная иномарка. Он любит гонять на нём по городу вечерами. Это мой шанс.

Дождавшись вечера, я нервно наматываю круги недалеко от клуба с надеждой, что Мурадов вдруг возжелает погонять перед сном на своей тачиле. Что-то нехорошо в груди становится. Я опасность чую. Всеми своими клеточками души. И не зря. Погрязнув в мыслях, я сворачиваю за угол пятиэтажки, как вдруг врезаюсь в чьё-то объемное тело. Грубые руки хватают меня за плечи, с силой встряхивают. Пугаясь, я поднимаю голову и млею от ужаса. Не может быть! Это они. Те ублюдки, которые не так давно украли все мои сбережения и вещи.

– Ты тёлка, да? – рычит нападающий, больно стискивая мои плечи грубыми пальцами. – Мы нашли пачку прокладок в твоём рюкзаке и бинт для сисек!

Один из мудаков срывает с моей головы вязаную шапочку. Длинные светлые волосы рассыпаются по спине непослушной копной. Кош-мар. Лёгкие превращаются в камень.

– Пиздец!

Я не думаю медлить. Делаю то, что первое на ум приходит. Глупое, отчаянное. Чтобы выжить, сражаюсь. Со всей дури луплю коленом в пах мудозвону, который держит меня.

– Мля-я-я! – воеет недоносок, размыкая грабли. – Сучка! Лови её!

– Тебе конец, дрянь паршивая! Я тебя на куски покровсаю! Вот ведь швабра! – Мамочки! – я кричу своим родным девичьим голосом, окончательно выдавая

себя, со всех ног срываюсь с места и мчусь, куда глаза глядят.

Я никогда так быстро не бегала. До свиста в ушах. Бежала так быстро и опрометчиво, что, казалось бы, почти до самых стоп подошву на и без того потасканных кроссовках стёрла. Один поворот, второй. Петляю между закоулками, пытаюсь уйти от погони, запутать их, но уроды не отстают. Кричат мне в спину разные гадости, запугивают. Они догоняют меня. А там... тупик. Жизнь будто покидает тело. Я торможу, проглатывая вдохи. Маты, торопливые шаги всё ближе и ближе. Я лихорадочно осматриваю местность. Ловлю взглядом узкий проход между двумя жилыми зданиями, который забит полиэтиленовыми пакетами и прочим бытовым мусором. Я руками откапываю единственную надежду на спасение, быстро влетаю в проход. Рывок назад по инерции. Мой истошный вопль разрывает барабанные перепонки:

- Нет, пожалуйста! Нет!

- Попалась, швабра! - грубые руки крепко впиваются в капюшон кофты, тащат назад.

- Блять, я сейчас из неё всю дурь вытрахаю! Она мне яйца все отбила всмятку!

- Тяни её, ну же, Герыч, тяни! По очереди ебенить будем!

Проход слишком узкий, я едва там помещаюсь, им, лосям этим неотёсанным, не протиснуться глубже.

- Помогите, пожалуйста-а-а-а! На помощь!

Я дёргаюсь из последних сил. Расстегиваю на себе пайту. Треск. Швы ткани рвутся. Я сбрасываю с себя верхнюю одежду, тем самым обретаю путь к свободе и пулей лечу к слабому источнику света, виднеющемуся впереди. Неужели?! Неужели я спасена?

Выскакиваю из переулка на дорогу. Ни о чём не думаю. Только бежать. Только спастись! Меня топит в кошмарной панике и ледяном аффекте, я вообще ничего не соображаю. Всё происходит слишком быстро.

Визг тормозов. Глухой удар. Мой истошный вопль звучит глубоко внутри меня как раскатистый разряд грома. Адская боль во всём теле рассекает плоть острыми бритвами. Мощной ударной волной меня отбрасывает на несколько метров назад.

Бах! Хлопок. Повторный удар. Кислород вышибает из лёгких. Мне очень-очень больно! И страшно. Я не понимаю, что происходит. Наверное... я умерла. В глазах тьма. В каждой клетке тела нестерпимая боль. Голова трещит, в ушах противный звон.

Две секунды. Когда мир прекращает вращаться кубарем, а зрение более-менее обретает остроту, я начинаю усиленно анализировать ситуацию. И, кажется, понимаю. Меня сбила машина. Чёрная. Навороченная. Будто я её уже где-то видела. Или у меня галлюцинации от сотрясения?

Я быстро-быстро моргаю. Жива. Вроде бы. Даже нахожусь в сознании. И чувствую, что мой нос разбит, из него сочится кровь на губы. Я слизываю ее языком, морщусь, чувствуя противный вкус металла. Да, жива пока ещё. Наверное. Но не могу пошевелиться, дышать больно. Перед глазами очередями мелькает то свет, то тьма.

Сквозь противную пиликающую трель в ушах я вдруг слышу хлопок по металлу вперемешку с грубыми ругательствами. После чего леденею. Я вижу лицо. Грозное и зловещее лицо мужчины с густой щетиной и большими чёрными глазами. Он смотрит точно на меня. Своим чернящим взглядом напололам режет. Только у одного человека в мире могут быть такие мрачные, демонические глаза.

Не верю. Так не бывает. Совпадение? Или дар судьбы? Нет. Скорей всего, проклятье. Я его искала, а он сам, выходит, меня нашёл.

Я лежу, как распластанная неваляшка, на мокром асфальте. Бандит скалится, внимательно осматривая меня. Я вижу как в тумане. Но понимаю, что происходит.

Бандит опускается на корточки. Вблизи он намного крупнее. Десятиметровое цунами. Меня всю парализует от вселенского ужаса. Большая массивная рука тянется к разбитой губе. Он почти касается меня. Страшно. Дико. От ужаса глаза

закатываются. И я улетаю в бесчувственную пропасть, как в бездну вечного полёта.

?

Я медленно разлепляю веки, вяло моргаю, пытаюсь понять, где нахожусь. Вижу красивый натяжной потолок. Идеально белый, ровный, с глянцевой поверхностью. Понятно, я нахожусь в помещении, в какой-то комнате. Незнакомой. Здесь тихо, уютно, приятно пахнет. Царит спокойная атмосфера полумрака. Идеальный покой и комфорт.

Я делаю несколько глубоких вдохов, прихожу в себя. Когда зрение полностью восстанавливается, осматриваюсь. С трудом вспоминаю, что было вчерашним вечером. Чуть приподнимаюсь на локтях, но руки меня не держат. Я падаю обратно спиной на мягкие прохладные простыни, пахнувшие лавандой. Тихонько постанываю. Боги! Моя голова. Не голова, а кирпич. Трещит и звенит, как церковный колокол.

Бам. Бам. Бам.

Ослабевшими руками я ощупываю голову и нахожу эластичную повязку где-то в районе лба. Как раз в этот момент, совершая движения, я замечаю иглу в вене, подключённую к системе – капельница. И ещё кое-что. Точнее кое-кого. Горло сдавливает невидимыми цепями, когда я вдруг вижу перед собой большую мускулистую фигуру.

– Где я? – вырывается на автомате.

– В моём доме, – звучит басистый голос с хриплым акцентом. Грозно. Властно.

Я ещё раз ритмично моргаю. Картинка в глазах обретает ясность, пелена рассеивается. Не верю. Серьёзно? Я что, нахожусь в доме Гектора Мурадова? Хозяина города? Кровавого криминального палача? Сплю, наверное. У меня получилось к нему пробиться? Выходит, по счастливой случайности я попала под его машину. Как такое возможно? Судьба, спасибо за милосердие. Этим щедрым даром случая ведь можно попытаться воспользоваться.

Глава 4

– Помнишь что-нибудь?

Допрос продолжается. Кое-как я принимаю вертикальное положение, смотрю перед собой, изучаю интерьер комнаты, лишь бы не смотреть на здоровилу. Особенно в его грозное лицо. Ведь под прицелом хищных глаз невозможно не нервничать.

– Не всё, – пожимаю плечами.

– А я напому.

Я слышу скрип. Шорох. Мурашки пронизывают позвоночник, словно булавки. Я понимаю, что мужчина встает с кресла, расположенного напротив большой двуспальной кровати, на которой я лежу, и сокращает между нами дистанцию. Пальцы на руках начинают дрожать, я сильнее впиваюсь ногтями в дорогие бордовые простыни, пытаюсь унять неприятную дрожь. Тёмная фигура загораживает собой свет, струящийся со стороны большого окна.

Мурадов замирает прямо напротив меня. Я скольжу взглядом по этой могучей горе, заслонившей собой весь белый свет, снизу вверх, мысленно ахаю. Задерживаюсь на кадыке. Выше нельзя. Умру от инфаркта, если встречу впритык с его чёрными льдинами.

Я даже краснею, когда вижу завидные формы идеальной поджарой фигуры. Бандит смотрит на меня властно, сверху вниз, как на пыль под ногами, будто владеет мною, как какой-то рабыней. Это обычный его взгляд, верно? Мурадов привык смотреть на всех снисходительно. Это фишка такая бандитская? Или врожденная особенность характера?

– Ты попала в аварию. Выскочила на дорогу, угодив под мою машину. Припоминаешь?

Верно.

Интересно, почему он меня не раздавил? Почему не промчался мимо. Почему в свой дом приволок? Да ещё и капельницу поставил. Это ведь его дом? Скорей всего. Значит, я ему понравилась? Зацепила чем-то, раз остановился? Не добил. Не проехал мимо. А мог бы. Хороший знак. Мне везёт.

Я киваю, прикрывая ресницы, начинаю дрожать ещё больше, ожидая его заключительного решения в отношении меня. Что он собирается со мной сделать? Если оставил живой, значит, я чем-то приглянулась вожаку.

- Тебе лучше?

- Да, - шепчу слабым голосом. - Спа-си-бо.

Я кожей чувствую, как он хмурится. Стоит, не шевелясь, скрестив руки на выпуклой груди, напряжён и твёрд, такой же, как белый мраморный пол в его холёной спальне.

- Тебе повезло. Легко отделалась. Мой личный врач тебя осмотрел, оказал необходимую помощь. Возможно, у тебя сотряс. Будет лучше, если ты сделаешь томографию.

Я почти не слышу последнее предложение. Оклемавшись после обморока, я вдруг замечаю, что на мне надета чужая одежда. Я жутко краснею, оценивая свой внешний вид. Чёрт! На мне ничего нет. Абсолютно. Беззащитное женское тело, не считая белоснежной рубашки с длинным рукавом. Большой такой рубашки. Рубашищи. Шитой не иначе как на слона. Я в ней тону, как в океане. Я вытягиваю вперёд ноги, оценивая её длину. Она его? Он надел на меня свою вещь? Она пахнет... свежестью. Зимой. Альпами. Теперь голова кружится не из-за травмы, а от приятной и странной сладости. Подумав об этом, о том, что бандит видел меня голой, я быстро обхватываю себя руками. Надеюсь, ничего не было. И я всё ещё...

- Тебя передела моя служанка, - будто мысли мои прочитав, комментирует мужчина. - Твои старые тряпки пришлось выбросить на помойку. Тебе не мешало бы помыться, - недовольно морщит нос.

Я собираюсь открыть рот, чтобы продолжить диалог, как вдруг мою речь перебивает урчащий рык. Мой живот! Вот ты не вовремя. Рычит на всю комнату,

как трактор проклятый поломанный, у меня уши от стыда полыхают. Я быстро обхватываю его руками, сжимаю, подавляя сей несчастный вопль отчаяния нажимом на пресс.

- Голодная?

- Очень.

Я не ела уже больше суток.

- Как голова? Ещё кружится?

- Да вроде нет, - дёргаю плечами.

- Идти можешь?

- Наверное. Куда? Далеко?

Хоть бы не на выход.

- Вниз. В обеденный зал. Еда-а-а. На кончике языка сладко завибрировало. Я даже от предвкушения губы невольно облизала. А он... заметил это действие. А я в его глазищи всё-таки посмотрела. Не хотела. Случайно. Невольно вышло. И пропала. Там, в ночной мгле, вспышка странная яркая шарахнула. Что-то, похожее на удивление. Или интерес явный.

Губы мои, что ли, понравились? Да нет в них ничего особенного. Да, пухлые. Да, мягкие. Розовые, с блеском. Отчим всегда на них пялился. Нескромно так, подозрительно. Алчно. Пялился и облизывался. Как вспомню, так желудок промыть охота от омерзения. Я только недавно поняла, какие у него были ко мне реальные намерения. Неродственные, недружественные. Уж точно. Как я могла не замечать очевидного? Ушлёпок на мне помешался.

Они натуральные, свои. Не как у шлюшек-сосалок пельменища на пол-лица. У тех, которые возле Гектора трутся. У его клубных девочек. Даже Ленка, и та в себя ботокс всандалила, чтобы клиенты больше платили за приятный минет. А главарь глянул на них так собственнически, будто впервые натур продукт

увидел, как что-то редкое, эксклюзивное. Аж неловко стало.

Я откашлялась, потирая живот, чтобы он перестал бурчать.

– Подожди минуту, – Гектор опомнился, отрываясь от моих губ, которые уже почти до ран обгорели от его столь наглого внимания, – я позову Семёныча. Он выдернет из тебя иглу.

Надеюсь, бандюган не накачал меня наркотиками. Иначе планам конец. Он воспользуется мной, а я даже не успею поторговаться, назначив цену. За что? За никем не сорванный цветок. Что ещё я могу предложить вожаку? Они любят такое. Они. Другие. Сатанеют от чистых девочек. Чувствуют себя первооткрывателями и завоевателями неизведанного, когда рвут целку. Самоутверждаются. В данном случае моя невинность – мой мощный козырь.

Всё же соображаю я трезво. Вряд ли меня накололи дурью. Сейчас я в ужасной форме. Наверное, я не привлекаю мужчину. Плохо. Я должна его соблазнить и вызвать адское желание. Но я не знаю как. Неумёха я. За свои девятнадцать ни разу даже не целовалась. По-взрослому. Взахлёб. В запой. Чтобы ноги подкашивались. Чтобы в обморок падала. Стыд мне, да и срам. Лохушка я отстойная. Да просто не встретила никого ещё, с кем бы искренне захотела разделить удовольствие.

До него. Я сошла с ума. Дура я! Неужели влюбилась? В преступника. С первого взгляда. Ну да. Как в такого идеального самца не влюбиться? Мечта любой девчонки. Внешне. И только. А в душе у него спрятан ящик Пандоры.

Мурадов выходит из комнаты, я тут же облегчённо выдыхаю, чуть расслабляюсь. Мучение какое-то находится под его прицелом. Не проходит и минуты, как он возвращается. Не один. В компании пожилого мужчины с седыми волосами. Дедуля надевает очки для зрения, осторожно извлекает из вены иглу. Меряет мне давление, считает удары пульса. Задаёт несколько вопросов по поводу моего самочувствия, затем разворачивается к начальнику, молвит ему несколько заумных фраз. Гектор кивает, а докторишка уходит.

Вот это сервис. Да у него в доме даже личный врач имеется наравне с прислугой. Ну да, он же бандит. Небось, часто пули получает.

– Пошли, – Гектор приказывает.

Я отталкиваюсь ладонями от кровати, поднимаюсь на ноги. Голые стопы касаются холодного пола – отрезвляет. Меня немного пошатывает, не смертельно. Больше от голода, чем от травм. Рубаха амбала достаёт мне почти до колен. Я нарочно пытаюсь поднять её выше, чтобы дьяволу было видно мои ножки. Жалкая попытка, но все же... Сейчас я выгляжу как ходячий скелет. Как чучело огородное, отпугивающее ворон. Мне срочно нужно принять ванну, чтобы смыть маскировку, чтобы стать привлекательной девушкой, а не грязным оборванцем.

Да, природа не обидела меня внешностью. Есть на что посмотреть, если начать правильно питаться и как следует за собой следить, если платье надеть и макияж сделать, я буду не хуже тех его элитных вешалок.

Хозяин особняка выходит из комнаты, я плетусь за ним следом. Спускаюсь по лестнице, придерживаясь за стены. Внезапно меня подсекает сильное головокружение. Я почти висну на перилах. Громила тормозит. Оборачивается. Смотрит на меня хмуро, даже дёргается в мою сторону, якобы чтобы помочь, но тут же замирает. Правильно. К чёрту жалость. Всякие там сопли рушат ледяной авторитет кровавого правителя.

– Н-нормально всё. Уже проходит, – заверяю, продолжая путь. Я делаю несколько глубоких вдохов, становится легче.

Спустя минуту мы оказываемся в столовой. Она огромная, светлая. С большими панорамными окнами и белоснежными шторами. Шик и блеск. Я будто в сказку попала. В другой мир. В другую эпоху. Или на другую планету переместилась.

Живут же некоторые. Как цари. А где живу я? На дне мира.

Хозяин дома любезно приглашает меня сесть за стол. Разумеется, я с радостью принимаю предложение. В нашем распоряжении целый стол, заваленный всевозможными деликатесами. И больше никого. Только он, я, горы вкуснятины. Мне хочется как следует потереть глаза кулаками, чтобы убедиться, что я не сплю. Миксы запахов действуют на меня как дурман. Я сажусь за стол, быстро набрасываюсь на еду, но следовало бы в первую очередь продемонстрировать вежливость и отблагодарить хозяина за еду. Да просто когда я рай этот

неземной увидела, обо всём напрочь забыла.

Боже! Как вкусно-о-о-о! Я такой вкуснотищи в жизни не пробовала, лишь в мечтах. Я перепробовала все блюда. Совсем манеры растеряла. Да у его высочества Мурадова тут реальный пир на весь мир во время чумы. Ох, что-то мне тошно стало. А сам барин сидел напротив меня и ничего не ел. Просто наблюдал. Строго так, серьёзно. Кусок металла.

Лишь потягивал лениво виски из стакана и хищно изучал свою гостью. Я так сильно проголодалась, что мне уже было всё равно на манеры и на присутствие самого опасного в стране главаря преступной группировки.

– Вкусно? – в конце концов, ему надоедает за мной наблюдать. Мужчина рушит молчание, облакачиваясь на край стола тяжеленными ручищами. Стол хрустит под внушительным весом.

– Очень. Никогда ничего вкуснее не пробовала, – прожевав, мурлычу я, запивая спагетти с морепродуктами соком.

Вы сделали мой день. Так и хочется добавить. Но я стесняюсь.

– Девчонка, значит?

Киваю с набитым ртом.

– Где живёшь? Из какого района?

Зачем спрашивает? Сам, что ли, не видит, по одежке?

– Нигде. Убежала из дома от пьяного отчима. И больше туда не вернусь.

Мужчина никак не комментирует мой ответ. Всё так же внимательно рассматривает. Моя исповедь ни капли не трогает ледяное сердце диктатора. Неужели у меня нет шансов? Сейчас я поем, и головорез выставит меня вон из своего замка.

– Как зовут?

– Кристина.

Мурадов переводит тему разговора.

– Давно ты ела?

– Два дня назад. Нашла булку на мусорке.

Без комментариев.

Следующая фраза швыряет меня в пропасть разочарования.

– Я предлагаю решить все по-тихому. Ты сама выскочила на дорогу.

Настроение быстро пропадает. Всё. Я откладываю вилку в сторону. Этого я и боялась. Что он выставит меня из дома ни с чем. Я поняла, для чего был устроен чёртов пир. Якобы в знак извинений. Нет, нет. Не это мне нужно. Другое.

– А вы меня сбили. Там был пешеходный переход.

Зря. Не та тактика, Крис. Не буди зверя. Пререкаться нельзя. Просто... само вырвалось. Не хотела. На автомате. На эмоциях.

Поздно. Амбал нахмурился. Я слышу, как хрустят его кулачищи, которые он вдруг ни с того ни с чего сжал.

Пауза. Громила что-то решает насчёт меня в мыслях. Резко отвечает:

– Я дам тебе денег, и завтра утром ты уйдешь.

Нет. Ох, нет!

Надо действовать. Прямо сейчас.

– Но... Но...

– Что ещё? – грозно прищуривается. – Я дам тебе достаточно. Ты не сильно пострадала.

Дело дрянь. Его решение не поддаётся обжалованию. Придётся... Боже! У меня нет больше идей. Придётся сыграть на инстинктах. Похоти. Секса. Разврата. Он не устоит перед голым женским телом. Нетронутым. Молодым. Соблазнительным.

От отчаяния и паники оказаться вновь вышвырнутой на мусорку у меня едет крыша. Я не хочу обратно в то пекло!

Я вскакиваю со стола. Голова кругом, окружающие предметы вращаются юлой перед глазами. Слишком нервничаю. До такой степени, что как рохля спотыкаюсь о ножку стула. Почти падаю. Кое-как держу равновесие.

Не я. Падают на пол со звоном столовые приборы. А я задубелыми пальцами впиваюсь в пуговицы рубашки, тяну их, тяну. Пытаюсь расстегнуть. Не получается с первого раза. Как будто рук лишилась.

Боже, какой позор. Так неловко. Я похожа на идиотку. Даже раздеться нормально не могу. Руки трясутся.

Кое-как я срываю с себя рубашку. И трусики тоже снимаю. Сжимаю их в кулаке. Стыд. Позорище! До чего докатилась. Я полностью голая. Перед бандитом. Предлагаю себя, как вещь на аукционе.

Я зажмуриваюсь, от страха почти не дышу. Заикаясь, я произношу с дрожью в голосе:

– Я хочу стать вашей... Купите меня.

Вашей? Кем?

Шлюхой. Проституткой. Игрушкой.

Язык не поворачивается сказать это дерьмо. Потому что стыдно. Воротит от самой себя. Но что делать...

Девочкой.

Так авторитет называет своих подстилок.

Бандит не шевелится. А я глаза боюсь разомкнуть. Не чувствую доброты и жалости с его стороны. Вот вообще ни капли. Значит, миссия – провал?

Холод, лёд, яд. Бьёт меня точно в лицо порывом северного ветра. Его рычащий голос:

– Пошла вон. Я открываю глаза. Сжимаюсь в комок, сутулясь, будто защищаюсь, а он нападает. Но это не так. Сидит как статуя. Неподвижная, но разъярённая.

– Нет. Не прогоняйте. Послушайте, я...

– Имран! Вышвырнуть! Немедленно!

Не слышит меня. Плюет на мольбу. Почему? Что разгневало мужчину? Чем не угодила?

– Пожалуйста, нет! Выслушайте...

Я нервно подбираю с пола рубашку, прикрываю обнажённое тело, когда слышу торопливые шаги. У меня начинается паника. Надо что-то делать! Срочно!

Я закрываю глаза и отчаянно выкрикиваю:

– Если вы выставите меня из дома, я скажу всем... Что вы меня... избили. Запишу видео и выложу в сеть! Оно разлетится по всему миру! Митинг соберу.

Отодвигаю в сторону рубашку, демонстрирую жожаку жуткие гематомы на животе. Те, что оставили мне ублюдки из переулка. Он скалится.

Остановись, Крис! Ты спятила? Меня утопило в отчаянии, поэтому я не контролирую свою речь. Слова вырываются быстрее мыслей. Я камикадзе. Я ведь ещё сильнее злю монстра.

Бесполезно. У этого чудовища нет ни души, ни сердца.

В зале появляется здоровенный шкаф в чёрной одежде. Его лицо изувечено жутким шрамом. Мурадов кивает охраннику, тот вытаскивает что-то тяжелое и тёмное из-за пазухи брюк, направляет мне точно в голову.

Ствол. Мама!

Глава 5

– Кончатъ её? – хрипит, удерживая меня на мушке.

У меня вся жизнь проносится перед глазами.

Главарь думает. Не решается. Я невыносимую боль во всем теле чувствую, будто он не смотрит на меня, а кости ломает. Визуально. Как дьявол. Силой мысли, ядом своих чёрных зрачков. Я сейчас рожу собственное сердце через задний проход от страха. Секунда превращается в бесконечность. Монстр выносит свой вердикт:

– Убирайся из моего дома, дрянь. Иначе я тебя по стене размажу, – очень холодно, но сдержанно шипит бандит. Как будто внутри этого демона черноглазого вулкан просыпается.

Грохот. Я взвизгиваю, закрывая уши и глаза одновременно. Неужели в меня пальнули?

В плечо впиваются грубые пальцы. Рывок. Меня куда-то тащат. Как псину на утилизацию. Волочат по полу бесцеремонно, ноги подкашиваются. От страха и кошмарной дрожи я едва перебираю конечностями.

Оборачиваюсь. В последний раз. По щекам льются слёзы. Он смотрит мне вслед. Без капли сочувствия. Будто ставит на мне крест. Прощается. Списывает на утилизацию как ненужную дребедень. Неужели он не понимает, что если вышвырнет вон – вынесет мне смертный приговор? Меня ведь убьют. Обезумевший отчим. Шайки гопников. Голод. Холод. Да плевать, кто из этого списка первым выдернет из меня жизнь!

Пожалуйста! Не гони! Помоги мне!

Так и хочется заорать. Но горло сдавило удавкой. Губы трясутся. Слезы умывают бледные щеки. Как же сильно хочется жить.

Я смаргиваю жидкую боль с ресниц и вижу вмятину на столе. Боже... он чудовище!

Хлопок. В кожу вонзается холод. Мы оказываемся на улице. На крыльце гигантского царского дома. Меня вытаскивают на холодный воздух прямо так. В одной рубашке, босиком. Я едва успеваю натянуть её на тело в движении. Бугай тащит меня по искусственной дорожке из камня прямо к высоким металлическим воротам, перед которыми стоит навороченный внедорожник, с виду напоминающий танк. Ворота плавно разъезжаются в стороны. Сердце стучит всё чаще и чаще.

– Дура ты! Странно, что босс тебе кишки не выпустил. Впервые вижу, чтобы пощадил. Хотя зачем ему руки марать лишний раз? Думает, наверное, тебя всё равно добьют. Не он, так жизнь.

Хамоватый лось грубо швыряет меня в салон автомобиля. Зубы отбивают барабанную дробь. Я как вспомню пистолет, направленный на меня, точно в сердце, так от истерики выть хочется. Я будто бы побывала на краю пропасти. Между жизнью и смертью.

Я жду пару минут. В машине никого нет. В салон запрыгивают два амбала. Один из них поворачивается ко мне, швыряет в лицо какой-то пакет.

Этого мудака я не знаю. А другого, кажется, зовут Имран.

– Тебе. Босс странный такой, щедрый. Я бы уже на его месте тебя свинцом нашпиговал за твои ёбнутые слова. Ты совсем курица без грамма мозга? Жизнь не нужна, да? Думай, чё базаришь главному. Какой шантаж? Вот ведь пробка тупая!

– Он думает, ты специально под колёса бросилась. Где твоя логика, девка? Бабла срубить захотела? Ты босса пиздец как взбесила. Но чё-то он придержал пыл. Не стал наказывать. Вон даже одёжку пожертвовал. Нонсенс.

– Мурадов предусмотрительный вождь, пули тратить без толку не захотел. Сейчас оружие на вес золота, сам понимаешь. Траты после бойни были... Жалко на такое ничтожество свинца жаловать.

– Так ведь можно было ножичком резануть...

Ублюдки!

Они грязно заржали на весь салон. Издеваются. Нелюди. Да пошли вы!

Я на эмоциях была. Не хотела. От безысходности ляпнула.

Я быстро открываю пакет, а там одежда лежит. Джинсы, куртка. Почти новые. На два размера больше моего, худосочного.

Машина срывается с места. Я забиваюсь в угол, прячусь от двух мерзких рож, что следят за мной неустанно, как два страшнючих шакала, быстро начинаю переодеваться. Руки не слушаются, по пальцам лупит идиотская дрожь.

Один из уродов вдруг присвистывает, когда я быстро стаскиваю с себя рубашку и натягиваю на дрожащее тело кофту. Поднимаю голову, вижу в зеркале прищуренные глаза чмошника. Он за мной наблюдает. Как я переодеваюсь.

Внезапно он открывает пасть:

– Эй, Имран! Сверни-ка куда-нибудь в кусты, – голос бандюгана становится хриплым, сбивчивым.

- Босс сказал не трогать.

- Странно, с чего бы это? Её всё равно уже сегодня вечером выдерут в ближайшем переулке. Скорей всего, до смерти. Она ведь из низкого?

- Да.

- Ну так и чё тогда её беречь? Давай оттянемся немного. По-быстрому оприходуем, - мерзко ржёт, толкая локтем напарника.

- Она грязная, ты серьёзно? Хочешь натянуть эту помойную крысу на свой член? Тебе шлюх наших клубных мало?

- Мешок на голову, а дырки... Ну все одинаковые.

Мерзкие кретины!

- Нет. Приказ есть приказ. Велено в низы доставить.

- Вот лажа, - урод огрызнулся. Цокнув языком, сложил руки на груди.

Я в этот момент не дышала. Меня спасло чудо. Всё-таки хорошо, что я додумалась использовать маскировку.

Нет. Не хочу туда. В низы. Лучше под колёса...

Машина выезжает на оживленную улицу. До этого мы находились в частном закрытом посёлке, окружённом небольшим сосновым бором. Тачка притормаживает на светофоре. Я уже успела переодеться. Немедля я распахиваю дверь внедорожника и выскакиваю на тротуар. Почти на ходу.

Падаю. Бьюсь коленями о твердый асфальт. Прикусив язык, через боль вскакиваю на ноги. Теперь главное - бежать. Быстро! Со всех ног. Как от самой смерти.

- Стоять! Сучка!

Я даю деру. Как сумасшедшая мчусь в толпу шумных прохожих, ныряю за угол дома, затем в переулок, прячусь за мусорный бак, накрываю себя картонкой. Не дышу. Замираю. Прислушиваюсь.

Пока они там надрачивали себе за рулём, я ловко сообразила. Наверное, не ожидали подвоха. Даже двери забыли заблокировать.

В округе тихо. Лишь слышно, как ветер в щели крыш завывает, как люди вдалеке прогуливаются, общаясь друг с другом. Головорезы вроде бы не гонятся, не ищут. Можно выдохнуть и расслабиться.

Но мне не дают покоя бурные мысли.

Почему не убил? Не застрелил? Что ему стоило? Почему спас? Накормил, вылечил? Почему уродам своим туполобым приказал не трогать? Что-то здесь не так. Странно очень. В душе потрескивает слабая надежда. Неужели заинтересовала? Вот бы мотивы его понять. Вот бы в голове сущего зла покопаться.

Я это выясню. Я... планирую вернуться в дом Мурадова.

Пусть лучше убьёт, из пистолета жахнет, не оттягивая время неизбежного, чем мне устроят групповую казнь в подворотне, убивая жестоко, долго, мучительно. Лучше быстро, чем в муках, расставаться с жизнью.

?

Около двух часов я сижу в укрытии, а после выхожу. Осматриваюсь по сторонам – нигде вроде не видно страшных рож. Я принимаю решение и направляюсь обратно в логово монстра. Я не отступлюсь от своей цели. Пусть убивают! Я всё равно, как они же и сказали, уже и без того ходячий труп.

Я около часа брела вдоль дороги, прячась за кустарниками. Кое-как мне удалось проскользнуть на территорию частного сектора. Со стороны леса. С началом темноты. Наверное, мне просто повезло прошмыгнуть незамеченной. Повезло найти лазейку. Когда мордovorоты везли меня из особняка, удалось запомнить дорогу.

На улице быстро темнеет. Становится убийственно холодно. На небе не видно звёзд. Чёрные тучи проглотили некогда светлый небосвод. Бабах! Я вздрагиваю. Поднимаю голову вверх, ещё отчаянней кутаюсь в куртку, которая вообще, казалось бы, не греет. Чёрное, как уголь, небо озаряет короткая вспышка молнии.

Прекрасно. Дождь начинается. Накрапывает понемногу. На голову падают первые одинокие капли, которые очень скоро превратятся в бушующий водопад. Я крадусь осторожно, лихорадочно оглядываюсь по сторонам. Мне везёт. Я вижу знакомый высокий забор из натурального камня. Нет, высоченный, дорогой на вид. Я рыскаю рядом с ним, думаю, что же делать? Как внутрь попасть? Если только по дереву не вскарабкаться. И что дальше? Какие планы? Опять в ноги падать?

Жалобные мысли блокируются грозным рычанием. Я застываю. Замираю. Будто в землю намертво врастаю. Боюсь пошевелиться, обернуться боюсь. Волк. Гиена? Кто там рычит и скалится за моей спиной? Скорей всего, собака. Охрана Мурадова.

Вот я и попалась. Глупо было рассчитывать на удачу.

Я слышу шорох. Рычащее чудовище крадёт. Всё ближе и ближе.

Я чертыхаюсь! Быстро срываюсь с места и бросаюсь к дереву. Карабкаюсь на него, торопливо перебирая руками и ногами.

Лай. Вой. Боль.

– А-а-а!

Я почти падаю. Обхватываю толстый ствол руками, вишу на нём, чувствуя сумасшедшую боль в ноге. Толчок, я брыкаюсь, отбивая от себя что-то крупное и чёрное.

Укусила. Тварь! Меня цапнула.

Не знаю, каким таким образом, но мне удалось вырваться, удалось залезть почти на самую верхушку дерева.

Бах! Всполох. Над головой что-то шарахнуло. Очень близко. Меня глушит. Повсюду искры. Мучительная боль. Неужели молния? Ударила в то самое дерево, на которое я залезла, спасаясь от бешеной псины? Доберман. Клянусь. Это был доберман размером с тигра, с горящими во тьме жёлтыми глазами и белыми-белыми гигантскими клыками.

Меня бросает в сторону. Я теряю равновесие. Падаю прямо на забор. Бьюсь животом о его край. Глотая внутренний визг, перекатываюсь через ограду. Полёт со свистом в ушах. Я падаю. С глухим стуком бьюсь о сырую землю. Меня накрывает лавиной нечеловеческой боли. С ударом о землю сверху на неподвижное тело обрушивается ледяной потоп.

Я не могу сделать вдох. Хватаю воздух, как рыба без воды. И пошевелиться не могу. Боюсь. Мне кажется, будто я сломала позвоночник. А дождь всё льёт и льёт. Топит меня. Накрывает в ледяном озере. Вокруг меня за рекордное количество от времени образовывается лужа. Я почти ничего не чувствую. Я... теряю сознание. Открываю глаза лишь иногда. Невольно. Ничего не соображаю. Кажется, у меня начался жар. Воспаление. Заражение крови. Наверное, до утра мне не дожить.

Я везучая. Что сказать?

Значит, такая судьба.

Я теряюсь во времени.

Что сейчас? День, ночь? Рай? Ад?

Где я, чёрт возьми?

Я пытаюсь разлепить веки. Спасибо и на том, что ливень прекратился. Не могу. Сил нет. Совершенно. Я уже одной ногой в гробу. Внезапно я слышу нечто, похожее на голоса. И топот. И лай собак. Они приближаются. Звучат будто в пещере. Далеким эхом. Всё ближе и ближе. Я замираю. Не дышу. Кто-то

нависает надо мной могучей волной с пробивающей энергетикой.

– Босс, она не дышит... Холодная, как лед.

Звучит невнятная речь. То ли ругань, то ли поток приказов. Я не могу сконцентрироваться даже на собственных мыслях, не говоря уже о диалогах других людей.

Меня опрокидывает на спину. Кажется, будто в лёгких не осталось ни грамма кислорода. Вышибло всё. Горячие ладони падают на мои ледяные щёки. Растирают. Поглаживают. Пощипывают. Меня встряхивают. Шлёпают по лицу. Бесполезно. Я даже боли не чувствую. Ничего. Лишь холод. Убийственный, замогильный мандраж в каждом миллиметре погибающего тела. Лёд выдёргивает из меня жизнь. А жить мне осталось не больше минуты.

Глава 6

[Гектор]

Ритмичная музыка набатом отбивает в ушах, разогревая кровь в венах. Удобно устроившись в кресле, будто на троне, широко раскинув ноги в стороны, я лениво наблюдаю за тем, как передо мной на сцене энергично вертится на шесте и притворно изгибается одна из самых ярких и сексуальных девочек клуба. Моего клуба. Теперь уже моего. Каждый домишка, каждый переулок этого города снова мой.

Я имею право расслабиться. Хотя бы сегодня. Хотя бы час не думать о делах и как следует оттянуться. Дорогие сигары. Выпивка. Секс. Дурь. Да! Сегодня можно. Всё, пожалуй, кроме последнего. Не моя тема. Но так или иначе зверь должен быть начеку. Постоянно. Враг не дремлет. Мне нужно расслабиться, словить кайф, как советует мне мой двоюродный брат Рифат. Но адреналин до сих пор не отпускает. Опасность сжимает мои яйца до синевы. Поэтому я всегда начеку. Зол и предусмотрителен. Страшен, как десятибалльный шторм.

Выпуская изо рта пряный клуб дыма, я пристально наблюдаю за девочками, которые под зажигательную музыку синхронно дрыгаются на шестах. Милана сегодня ведущая. Солистка. Извивается как змея напротив меня, торгуя своим шикарным телом, как товаром на прилавке базара. Сегодня ей выпала честь меня развлекать. Она из трусов выпрыгивает, чтобы угодить лидеру. Сиськами своими старательно трясет и задницей вертит, соблазняя.

Нет. Наверное, сегодня я не в духе. Не заводит она меня. Скучно. Пресно. Каждый день одно и то же. Привыкаешь. Одни и те же сучки похотливые, одни и те же опробованные по триста раз дырочки, которые удовлетворяют не только одного меня, но и других парней тоже. Да, бесспорно, есть на моем счету избранные красотки, которые рождены ублажать исключительно член вожака. Но и с ними я наигрался. Пустил в расход другим членам клуба.

Другого хочется. Новизны. Чтобы только твоё было. И ничьё больше. Редкий цветок бы сорвать. Никем не тронутый. Диковинный. Уникальный. Почувствовать себя его владельцем и первооткрывателем. Но хорошеньких девственниц сейчас дефицит. Попробуй с лупой отыщи.

Не малолеток же драть? Не моё. Люблю девушек созревших, но невинных. И не шлюх штопанных. Нежную, застенчивую целочку бы поиметь. Вот какую куклу я хочу в свою коллекцию. Но пока ещё не нашёл.

Игрушку, что ли, себе завести? На постоянной основе. Служанку личную. Постельную. Так, чтобы не только в стенах клуба ублажала, но и за его пределами. Но игрушка моя должна быть с особой изюминкой. Что-то должно отличать её от других. Что-то такое изысканное, уникальное.

Покрутившись на шесте, подрыгав сиськами, Милана игриво мне подмигивает. Она заводит руку за спину, ловко клацает застёжкой лифчика. Её пухлые силиконовые дыньки пошло вываливаются из блестящего бюстгальтера. Хихикнув, она запрыгивает на шест, ещё раз гибко прокручивается на нём по часовой стрелке. Замирает. Ловким прыжком, как цирковая акробатка, седлает шест своей киской, выгибая спину. Трётся тонкими и уже давно влажными трусиками о металлическую палку, возбуждая своего законного хозяина, а я заморожено пялюсь на её трясущиеся груди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/star_dana/devochka-bandita

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)